

ФИЛОСОФИЯ МИФОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-134-146

МИФОЛОГИЯ И ТЕОЛОГИЯ

Статья первая

В.М. Найдыш

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В контексте широко развернувшейся в философской и культурологической литературе, в СМИ дискуссии о природе теологии, ее связях с наукой и образованием анализируются методологические и теоретические принципы исследования теологии как формы духовной культуры.

Ключевые слова: теология, религия, культура, наука, сознание, когнитивное, ценностное, мифология, образ, смысл, знание

В отечественной философской и историко-культурной литературе, в публицистике в последние годы развернулась широкая дискуссия о закономерностях связи теологии и науки, о месте теологии в духовной культуре и в образовании [15]. Учитывая, что государственная политика все в большей степени ориентируется на «заигрывание с церковью», на клерикализацию духовной культуры, образования, прояснение этих вопросов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Выводы и рекомендации этой широкой общественной дискуссии прямо определяют пути реформирования науки и образования в стране.

В ходе дискуссии высказываются разные, порой и полярно противоположные, исключаящие друг друга точки зрения о месте и роли теологии в культуре и образовании. С одной стороны, широко представлена, что вполне закономерно, рационалистическая позиция в духе новоевропейского Модерна, где теологию принято определять как «совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога, построенная в формах идеалистического умозрения на основе текстов, принимаемых как божественное откровение», как авторитарную форму культуры, в которой «разуму отводится служебная герменевтическая (истолковательная) роль, он только принимает и разъясняет „слово Божие“» [1]. Из этого непосредственно следует вывод, что самостоятельного познавательного значения теология не имеет, она является историческим пережитком, формой религиозного знания, была и остается вне подлинной науки, вне познавательной деятельности вообще, а значит, должна и в настоящее время находиться вне системы светского образования. В практическом плане такая позиция соответствует краеугольному принципу новоевропейской политико-правовой традиции отделения церкви от государства. Иначе говоря, соблюдение требования, с одной стороны, отказа от участия церкви в деятельности государства, в системе государственного управления, включая науку и образова-

ние, обеспечение свободы граждан в вопросах исповедания той или иной религии, а, с другой стороны, отказа государства от вмешательства во внутренние дела церкви.

Вместе с тем в духовной культуре всегда существовала сложившаяся в основном в системе религиозного сознания и церковного образования (но не только) и полярно противоположная позиция. Она базируется на утверждении, что «отрицать научность теологии невозможно и противоестественно» [4. С. 15]; «теология — это очень большая система знания, целая отрасль гуманитарной науки» [4. С. 19], и только «некомпетентные в области теологии» люди могут говорить о ее вне-научности [4. С. 15]. Согласно этой позиции, теология — это не просто подлинная наука, это одна из важнейших наук гуманитарного цикла. Поэтому теология в таком своем качестве должна стать неотъемлемой частью современного гуманитарного образования, должна быть введена в учебные планы средних и высших учебных заведений, войти в перечень научных специальностей ВАКа и др.

Такая идейная платформа способствует размыванию любых качественных границ между научным и религиозным познанием. И вот уже первые результаты — в вузах открываются кафедры теологии и православные храмы, в номенклатуру специальностей ВАК вводится специальность «теология». А в социо-гуманитарной литературе все чаще можно встретить весьма упрощенные утверждения, что «абсолютных и принципиальных противостояний между научным и религиозным познанием нет. Различия в пути получения знаний есть, но оно исторично и по ходу будущего эволюционирования человека будет все меньше. Препятствия к пониманию этого и сближению социально активных позиций науки и религии в современности обусловлены не столько гносеологическими и фундаментальными причинами, сколько, скорее, инертностью научной и религиозной группировок» [2. С. 315]. И далее авторы нас успокаивают: «Человек пока действительно не может зафиксировать Бога так же, как он не фиксирует, например, такие объекты материального мира, как темную материю... Наука не стоит на месте. Вероятно, наступит такое время, когда и выход человечества на уровень прямого диалога с Богом станет реальностью» [2. С. 319]. Есть еще одно своеобразное побочное следствие размывания границ между научным и религиозным знанием: «расцвет квазибогословской графомании» [18. С. 31].

Наряду с такой крайней и бескомпромиссной позицией существует и другая, которая не рассматривает теологию как самостоятельную науку, но при этом наделяет теологию познавательной функцией. В этом случае теология может, например, определяться как теоретическая рефлексия, как форма теоретического знания наряду с наукой и философией [16. С. 28]. Такая позиция ее авторами обосновывается, в частности, серьезными историко-культурными данными о предпосылках генезиса классического естествознания. Наука в своей истории самым сложным и противоречивым образом взаимодействовала с религией. Широко известны периоды подавления религиозными институтами творческой свободной научной мысли в эпохи Средневековья и Возрождения, когда на костры отправляли людей, позволявших высказывать научные мысли, идеи, несовместимые с религиозными догматами.

В то же время нельзя недоучитывать и того обстоятельства, что различные исторические типы культуры связаны друг с другом исторической преемственностью. Конкретно-исторические черты преемственности культур Средневековья, Возрождения и Нового времени были прояснены в результате западных и отечественных исторических исследований середины и второй половины XX в. В них показано, что существует преемственность между религиозным сознанием и ново-европейской наукой XVII в., что религия и теология внесли значимый вклад в становление европейской рациональности, в генезис классического естествознания, современного естественнонаучного подхода к миру. Установлено, что важные предпосылки классического естествознания сложились именно в недрах религиозного сознания, подчас в острой борьбе различных направлений теологической мысли. Стало очевидным, что теология как форма теоретизирования знания сыграла определенную историческую роль в истории науки (2). Но следует ли из этого, что теология является отдельной самостоятельной завершенной формой познания, равной по значимости науке и философии? Ведь быть предпосылкой чего-либо вовсе не означает быть равной тому, предпосылкой чего ты когда-то выступил.

Таким образом, в ходе широкой развернувшейся дискуссии о месте теологии в духовной культуре наметился круг основных вопросов, нуждающихся в прояснении и конкретизации. Является ли теология наукой? Если она является наукой, то к какой области научного познания (естественным, гуманитарным, социальным, логико-математическим наукам) ее следует относить?

Если она не является наукой и относится к вне- или донаучным способам познания мира, то должны быть прояснены следующие вопросы. В чем состоят роль, функции и познавательный потенциал теологии? Каковы особенности объекта, предмета, целей теологии как до(вне)научной формы познания? Если теология все-таки не наука и не форма до(вне)научного познания, то тогда следует определиться с тем, к какой форме духовной деятельности ее следует относить? Для прояснения такого рода вопросов, на наш взгляд, прежде всего следует повысить строгость методологических требований.

Прежде всего, нельзя судить о сущностных особенностях формы духовной культуры по признакам сходства отдельных ее свойств со свойствами других форм духовной культуры. В этом случае допускается логико-гносеологическая ошибка — отождествление сущности с существованием. В принципе все формы духовной культуры имеют между собой множество сходных черт. Установление таких сходств не является достаточным условием для определения сущностных оснований той или иной формы духовной культуры. Именно на этом пути «размываются» границы между формами духовной культуры (политикой и моралью, моралью и правом, религией и моралью, наукой и политикой, наукой и искусством и др.) современным обыденным сознанием, публицистикой в СМИ. Чуть ли не каждый день можно столкнуться с такого рода нивелированием качественных различий между формами духовной культуры на многочисленных телевизионных ток-шоу, где и ведущие, и участники демонстрируют свое непонимание различий между научной теорией и мифологическим смыслообразом, между нормами морали и политическими программами, между правовой нормой и моральным принципом и др.

Для выявления конкретных особенностей той или иной формы духовной культуры необходимо определиться со следующими ее параметрами. Во-первых, что является предметом ее как формы духовной деятельности; на какой «срезу» реальности, объект направлена в ней активность субъекта. Во-вторых, в какой форме сознания выражается результат этой духовной деятельности. В-третьих, какими (материально-предметными и идеально-теоретическими) средствами деятельности она реализуется. В-четвертых, какие целевые и мотивационные основания этой формы духовной деятельности. Только определив все эти характеристики, можно сформулировать четкую, конкретную позицию о сущности данной формы духовной культуры и ее закономерных связях с другими формами и компонентами духовной культуры.

Важной стороной дискуссии о природе теологии является неопределенность понятийно-категориального аппарата, отсутствие четкости в определении основных понятий и категорий. На каждом шагу мы сталкиваемся с тем, что участники дискуссии употребляют один и тот же термин в различных значениях; при этом отождествляются, например, такие совершенно разные явления сознания, как наука и познание, познание и сознание, знания и ценности и др. В действительности же наука и познание не тождественные понятия. Наука представляет собой исторически сложившуюся систему познания объективных законов мира. Наука — это лишь одна из исторических форм познания мира. Существуют донаучные и вне-научные формы познания — мифология, религия, обыденное сознание, философия и др.

Далее. Нельзя отождествлять познание и сознание. Познание — это одна из сторон деятельности сознания, в которой интегрируются когнитивные и ценностные функционалы. Функционирование сознания состоит в постоянном воспроизведении и разрешении противоречий между его когнитивным (объективно обусловленным) и ценностным (субъективно значимым, переживаемым) аспектами, определяющими социокультурный контекст познавательного процесса. Из этого следует, что теоретическое воспроизведение сознания как некоторой целостности и ее подсистем, форм духовной культуры (и в синхронии, и в диахронии) предполагает моделирование, понятийное воссоздание его когнитивно-ценностной двойственности, полярности (т.е. формирование образа и личностного отношения к этому образу). Такая полярность характеризует и любой завершённый акт сознания, и всю систему сознания в целом. Важно, что именно динамика взаимодействий когнитивного и ценностного определяет процессы как демифологизации (укрепления идеалов рационализма, зарождения протонауки, классической науки, неклассической науки и др.), так и ремифологизации духовной культуры (возрождение иррациональных форм культуры, мифологии, религии, размывание идеалов рациональности, рост идеологии антисциентизма и др.) [10. С. 7—17].

Очень важны и теоретико-методологические принципы воспроизведения истории познания. Здесь существуют разные подходы. На наш взгляд, наиболее продуктивный подход опирается на философскую теорию развития, базирующуюся на принципах и понятиях системцентрического «видения мира» («мир есть система систем»). В этом случае «клеточкой» теоретической реконструкции процессов раз-

вития выступает не отдельно взятая вещь, вырванная из системных связей с другими вещами, сущность которой усматривается исключительно в ее субстрате, а система как самовоспроизводящееся целое. В русле такого подхода история познания теоретически реконструируется через возникновение, развитие и замену одного целостного типа познавательной деятельности (способ познания) другим, более высокоорганизованным способом познания.

Способ познания — это целостная система идеально-теоретических и материально-предметных средств познания, основывающаяся на определенном типе мышления. В истории познания совершенно отчетливо выделяются три исторических способа познания — предметно-действенный, наглядно-образный (мифологический, религиозный) и абстрактно-понятийный (рациональный). В рамках каждого конкретно-исторического способа познания (по мере выявления качественно своеобразных целостных «срезов» объективной реальности) изменяются ментальные (категориальный и понятийный аппарат, операциональные процедуры мышления, характер аналитической и синтетической деятельности сознания и др.) и материально-предметные (предметы-посредники, предметные средства взаимодействия с объектом и др.) характеристики познавательной деятельности. Такие изменения создают почву для возникновения той или иной новой формы познания.

Качественно новая система всегда возникает на базе старой, формируется из предпосылок, складывающихся в недрах старой системы (причем таких, которые внешни и чужды сущностным основаниям старой системы); и значительное время несет на себе отпечатки этого старого, преобразовывая *предпосылки* своего возникновения в *условия* своего существования. Все это в полной мере относится к двум историко-культурным периодам возникновения научных форм познания на базе религиозного сознания. И в эпоху древнегреческой архаики, когда на базе эллинской религии возникало рационально-теоретическое познание (философия, математика, естествознание), и в эпоху Нового времени, когда экспериментальное естествознание возникало из ренессансных мистико-религиозных сплавов.

Возникновение научного из религиозного происходит тогда, когда в ценностном в своей основе религиозном сознании усиливаются рационально-критические тенденции и на первый план выдвигаются вопросы логико-теоретического обоснования догм и норм религиозного сознания. В этом случае когнитивные функционалы проявляют свою относительную независимость от ценностных оснований религиозной системы. И тем самым религиозное сознание готовит предпосылки для возведения «здания» принципиально иного типа — научно-рационального абстрактно-понятийного познания мира.

Но следует ли из этого, что теология является отдельной завершенной самостоятельной формой познавательной деятельности наряду с наукой и философией? Ведь предпосылки классического естествознания формировались в системе религиозного сознания взятом как целое, т.е. не только в его когнитивной, но и в его ценностной сфере. Религия и теология здесь играли роль «строительных лесов» при возведении здания принципиально нового и чуждого им типа культуры. Но, как из-

вестно, «строительные леса» хотя и имеют очертания возводимого здания, но лишены его самых главных свойств, и прежде всего свойства «быть местом жительства».

Таким образом, идеология устранения границ между религией и наукой, религией и познанием, теологией и теоретическим знанием слишком упрощает проблему их взаимоотношений. На самом деле гносеологические границы между научным и религиозным сознанием, теологическим и теоретическим знанием существуют. Они порождены прежде всего тем, что теология и наука являются составными компонентами, функционалами качественно различных исторических способов (типов) познавательной деятельности — религиозно-мифологического и рационально-понятийного. Теология и наука различаются прежде всего тем, что возникают и функционируют в разных исторических типах (способах) познавательной деятельности: теология — в наглядно-образном (мифологическом) способе познания, который исторически трансформируется в систему религиозного сознания (1), а наука — в абстрактно-понятийном, рациональном [11. Гл. 1—3].

Для теоретического моделирования качественных переходов от одного исторического типа культуры (сознания) к другому принципиально важным оказывается еще одно гносеологическое разграничение — познания и знания. Знание — это продукт, результат познания как особой деятельности сознания. Знание — это система обьективированных в некотором языке (предложениях, системах предложений, словах, знаках, навыках, невербальных, ритуальных действиях, схемах и других формах) обобщенных элементов сознания, благодаря которым различаются, специфицируются вещи материального мира, сам человек и его отношение к внешнему миру. Творческий процесс порождения знания включает в себя процессы мышления, памяти, воображения, чувственно-эмоционального переживания и др.; в нем обьективные и субъективные характеристики неразрывны. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, «в реальном мыслительном процессе понятия не выступают в отрешенном, изолированном виде, они всегда функционируют в единстве и взаимопроникновении с наглядными моментами представлений и со словом, которое, будучи формой существования понятия, является всегда вместе с тем и неким слуховым или зрительным образом. Наглядные элементы включаются в мыслительный процесс: а) в виде образных представлений о вещах и их свойствах; б) в виде схем; в) в виде слов, которыми оперирует понятийное мышление, поскольку оно всегда является мышлением словесным... Не только отвлеченное значение слова, но и наглядный образ может быть носителем смыслового содержания, значения и выполнять более или менее существенные функции в мыслительном процессе, потому что образ является не замкнутой в себе данностью сознания, а семантическим образованием, обозначающим предмет» [14. С. 319]. Поэтому в культуре всегда есть и истинное, т.е. то, что соответствует действительности, и воображаемое, идущее от творческих способностей субъекта, его воображения, фантазии, от культурно-исторических смыслов эпохи. Это влечет за собой и существование различных видов знаний, в том числе ненаучного и научного, удовлетворяющего логическим и методологическим (индуктивным и дедуктивным)

стандартам обоснования. Необходимость различать объективное и субъективное, действительное и воображаемое в системе знания приводит к понятию «имагинарная составляющая сознания» [12. С. 55—56; 5. С. 5]. Это субъективная составляющая когнитивного функционала сознания, пласт культуры, обобщенный ее историей, охватывающий время от мифологической древности до современности, представленный воображаемыми образами и сюжетами, в том числе и мифологемам Ветхого и Нового Заветов (3). Важной частью имагинарной составляющей сознания является религия.

Производство и использование знаний — это область когнитивного, познавательного функционала сознания, ядром и «локомотивом» которого выступает мышление, т.е. опосредованное и обобщенное отражение действительности, способ восхождения от единичного к общему, от явления к сущности. Мышление нацелено на выделение отношений между предметами, объектами, вещами, а не на непосредственное чувственное отражение объектов — для такой задачи достаточно перцептивного образа. В гносеологии и психологии разработаны различные подходы к моделированию процесса мышления. Один из наиболее интересных из них представляет мышление как двухуровневое взаимодействие операций и операндов в когнитивной составляющей сознания, позволяющее осуществлять переход от образа к мысли, от чувственно-образного к абстрактно-понятийному уровню познавательной деятельности (5). Принципиально важно, что переход от образа к мысли не предполагает формирование какой-то самостоятельной психической формы, продолжающей чувственно-образный ряд: ощущение, восприятие, представление. Для перехода от образа к мысли, а значит для выхода за непосредственные границы опыта, необходимо выработать способы операционального воздействия на образ, которые могут быть извлечены только из самого образа, из его образной ткани. Это возможно с помощью языка, его символизма, обозначения отдельного образа и отдельной операции над содержанием образа (а впоследствии и над самой операцией) отдельным словом (знаком). Мысль формируется в процессуальном воздействии на образы с помощью операций, извлекаемых из самой же образности и фиксируемых знаками языка. Эти совершенно реальные операции позволяют вычленять объективные отношения, которые изначально вплавлены в образы, и выразить их в логико-грамматических формах.

Таким образом, мышление можно представить как двухуровневую систему, неразрывно связанную с языком, который является знаковым носителем и образных и операциональных сторон мыслительного процесса. Историческое становление мышления осуществлялись по пути превращения выделенных из образа абстракций и обобщений в операции над самим образом. Система мышления функционирует через постоянное взаимодействие элементов (образов, абстракций, операций и др.) как в пределах каждого уровня, так и через межуровневое взаимодействие (между образами, с одной стороны, и операциями, знаками — с другой) [3. С. 273]. Приложение мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение и др.) к сенсорно-образной части когнитивной системы позволяет выделять и извлекать из чувственных образов отдельные отношения,

связи вещей, которые содержатся в чувственном образе, вплавлены в него; и таким образом осуществлять опосредованное и обобщенное отражение мира. Эволюция мышления, в конечном счете, определяется ростом операциональной активности субъекта. Операциональный состав мышления исторически обогащается, вырастает в иерархически организованную систему (от частных до всеобщих, генерализированных операций), подвергается селекции, постепенно отбираются наиболее употребляемые, адаптированные и адекватные операции и их комплексы. Собственно говоря, в этом и состоит теоретизация знания.

Теоретизация — это процессуальная сторона функционирования и исторического развития мышления, выражающаяся в активности операциональной составляющей мышления и форм ее взаимодействия с его операндной составляющей. Именно теоретизация знания объясняет логику исторического развития сознания, и, в частности, историческую трансформацию мифологии в научно-философский и религиозный способы духовного освоения мира. Это происходит тогда, когда уровень теоретизации знания позволяет избавляться от субъективных ограничений, накладываемых на процесс познания. Иначе говоря, когда теоретизация достигает уровня, позволяющего децентрировать идеальную модель объекта, т.е. преодолеть мыслительный эгоцентризм. Интеллектуальная децентрация возможна тогда, когда предметом целенаправленного воздействия и преобразования становятся сами операции мышления, операциональный состав мышления, когда операции над образами сами становятся объектами (операндами) для операций более высокого уровня.

В каких социокультурных условиях происходит становление интеллектуальной децентрации? Интеллектуальная децентрация возможна в условиях, когда конкретно-исторический субъект становится в активно-преобразующее, деятельное отношение к объекту. Такие условия складываются в эпоху неолитической революции. С переходом к производящему хозяйству использование сил природы, в конечном счете, определяется активностью субъекта; он становится инициативным полюсом в системе отношений «мир—человек». Здесь от субъекта требуется умение моделировать и проектировать возможные состояния предмета (объекта) деятельности в будущем (т.е. постигать вещи, предметы в их закономерных, существенных характеристиках), а значит, мысленно перестраивать свое отношение к объекту. Для этого должна сформироваться способность операционального воздействия на сами операции мышления. Появление такой способности позволяет субъекту занимать по отношению к предмету познания более общую и, в конечном счете, объективную позицию. Важнейший итог — преодоление стержневой особенности первобытного мифа, т.е. неразличение объекта и его образа в сознании субъекта. Но не только. Появляется возможность выделять инвариантность родовых и видовых признаков объекта, устанавливать логические родо-видовые отношения, образовывать понятие, достигать согласования содержания и объема понятийной мысли, выстраивать иерархичность понятий, формировать индуктивно-дедуктивный строй мысли, обеспечить полноту обратимости операций, чувствительность к противоречиям и др.

Предмет познания заменяется в сознании идеальным объектом, построенном из абстракций, почерпнутых не из схем практического действия, а из ранее сложившихся систем знаний, имеющих не частную, а всеобщую основу. Познание реального предмета заменяется исследованием свойств его идеального аналога (объекта), который осваивается операциональными процедурами; в нем выделяются отдельные отношения и связи, по которым можно судить о сущностных чертах реального предмета познания. Не непосредственное содержание наглядных образов, не их обобщения, а операции над образами (абстрагирование, идеализация, схематизирование, категоризация и др.) становятся ведущим средством познавательного процесса. Теоретизация знания становится самостоятельной процедурой сознания, зарождаются предпосылки философско-теоретического постижения мира, математики, логики, а также теологии и др.

Таким образом, теоретизирование — это деятельность сознания, направленная на построение на базе представлений, понятий, абстракций, образов, идей обобщенной модели объекта (знания) с целью его понимания, объяснения его структуры и функционирования. Объект может быть реальный или мнимый, воображаемый, имагинарный. В ходе теоретизирования преодолевается ограниченность стихийно-эмпирического знания, формирующегося на базе непосредственного взаимодействия органов чувств субъекта с объектом. Теоретизирование — это попытка выйти за границы опыта, стать над ним, выйти за границы непосредственно данного, единичного, случайного и проникнуть в глубинные, сущностные области объекта; выявить внутреннюю структуру объекта, которая организует объект как целое, его существенные, закономерные связи и отношения. Теоретизирование характеризует общую направленность исторического развития знаний, когнитивного аспекта сознания.

В ходе теоретизирования при опоре на чувственный опыт, непосредственное восприятие исследуемого объекта творчески выстраивается многоуровневая, опосредованная различными промежуточными звеньями система обобщенного объективного знания, которая по отношению к самому опыту выполняет двойственную функцию. Во-первых, она представляет собой абстрактно-понятийную, рациональную модель содержания данного в опыте объекта; во-вторых, через процедуры интерпретации такой модели теоретизация неизбежно преобразовывает само содержание чувственного опыта. Иначе говоря, теоретизация является процессом выработки объяснительных схем объекта, необходимым условием которого является преобразование чувственного образа объекта. Именно благодаря теоретизации чувственный опыт никогда не бывает непосредственным, он всегда опосредован системой (в той или иной степени) обобщенных знаний. Поэтому в пределах теоретизирования может привести к такому уровню отношений знаний и опыта, для которого справедлив легендарный гегелевский афоризм: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Теоретизирование как средство и форма выхода за рамки непосредственного опыта характерно не только для науки (хотя здесь это задача первостепенной значимости), но и (в разной степени) для других форм духовной культуры — философии, политического и правового сознания, искусства, а также для религии.

Теоретизация всегда носит творческий, конструктивный, мобилизационный по отношению к опыту, воплощенному в чувственно-наглядной образности, характер. Она требует эмоций, воображения, волевых интенций. Поэтому важной стороной теоретизации является ее смысловая направленность. Процессы теоретизации, в том числе трансформация чувственной образности, неразрывны с личностным смыслом, ведь реальный мыслительный процесс «всегда вплетен в общую ткань целостной психической жизни, реально дан в связи и взаимопроникновении со всеми сторонами психической деятельности — с потребностями и чувствами, с волевой активностью и целеустремленностью, с наглядными образами-представлениями и со словесной формой речи» [14. С. 321]. Понимание личностного смысла теоретизирования имело место уже в античной культуре, где теория (древнегреч. θεωρία — рассмотрение, исследование, зрелище, инсценировка, умозрение, исследование) трактовалась и как непосредственно-интуитивное «созерцание», «видение» сущностей, лежащих за пределами опыта, и как способ очищения души человека, активизации духовного совершенствования личности (Пифагор) (4). Фактор личностного смысла теоретизирования еще больше усиливается в эпоху Средневековья, в его ценностной духовной культуре, где точкой отсчета в отношении субъекта к миру выступало не объективное знание о нем, а ценностные противоположности, воспроизводимые системой межличностного общения — Добро и Зло, божественное и человеческое, святое и грешное, горнее и долнее, небесное и земное и др.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Любая религиозная система в качестве своего основания, ядра содержит некоторую мифологию. Так, в христианстве в качестве такого основания выступает новозаветная мифология.
- (2) Так, например, Р. Мертон показал, что большую роль в возникновении английской науки XVII в. сыграли такие ценностные установки протестантизма, как эмпиризм, утилитаризм, сомнение и критицизм по отношению к авторитетам, высокая оценка разума, познания как деятельности, ведущей к постижению Творца, и др. [23]. Эта тема развивается в работах [20—22]. О роли схоластики в становлении механики и физики, классического естествознания также см. [6—9; 17—19].
- (3) Так, в отечественной духовной культуре имажинарные пласты включают в себя образы и сюжеты древнегреческих мифов (Сизифов труд, муки Тантала, подвиги Геракла, огонь Прометея, чудовищность и ужас Химеры, Скиллы и Харибды, мастерство Дедала и безрассудную смелость Икара, силу Антея, игру Орфея), много других, индивидуальных и коллективных персонажей, как реальных, так и полубогатых и полностью вымышленных); образов средневековой европейской (Карл Великий, Сид, король Артур, граф Роланд, волшебник Мерлин, Жанна д'Арк, Грааль, рыцарь, трубадур и др.) и отечественной (Илья Муромец, три богатыря, Гардарики, Китеж и др.) фольклорно-мифологической традиции, мифологии Ветхого и Нового Заветов и др.
- (4) Это роднит процессы теоретизирования с театральным представлением, которое в античности выступало как прототеория, позволяющая свободно моделировать воображаемые поведенческие ситуации, многообразные «миры социума», расширять опыт чувственно-эмоционального переживания мира в контексте определенных личностных смыслов [13. С. 390—391].

- (5) Долгое время в когнитивных науках попытки научно-теоретической реконструкции перехода от образа к мысли сводились к двум крайностям. Первая — это его нивелирование, размывание, сведение мышления лишь к образным формам и их взаимодействиям (бихевиоризм, гештальт-психология и др.). Вторая крайность — противопоставление абстрактно-понятийного мышления и чувственной образности, интерпретации мышления как безобразного, а мысли как вневещественной (например, вюрцбургская школа). Один из прорывных выходов из такого теоретического тупика был намечен в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, который объяснял развитие мышления влиянием социально-культурной детерминации, надстраиванием (с помощью знаков) над образно-перцептивной психикой высших психических функций и последующее преобразование ими чувственных форм знания. Свое дальнейшее развитие культурно-историческая концепция получила в ведущей парадигме отечественной психологии, которая опиралась на принцип деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов и др.). Большой вклад в понимание когнитивного перехода от образа к мысли внесен «операционной теорией интеллекта» Ж. Пиаже, информационной моделью мышления Л.М. Веккера, эволюционной эпистемологией, когнитивной психологией и др.

© Найдыш В.М., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аверинцев С.С. *Теология // Новая философская энциклопедия*. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 4.
- [2] Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. *Религиозное и научное познание*. М.: Научный эксперт, 2013.
- [3] Веккер Л.М. *Психика и реальность. Единая теория психических процессов*. М.: Смысл, 2000.
- [4] Воробьев В., прот. *Теология как система знания и отрасль гуманитарных наук // Теология в системе научного знания и образования. Материалы слушаний общественной палаты Российской Федерации*. Под ред. академика РАН В.А. Тишкова. М.: Изд. Общественной палаты РФ, 2009.
- [5] ле Гофф Ж. *Герои и чудеса средних веков*. М., 2011.
- [6] Дюгем П. *Физическая теория, ее цель и строение*. Предисл. Э. Маха. СПб., 1910. (Репринт: М.: КомКнига, 2007.)
- [7] Жильсон Э. *Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века*. 2-е изд. М.: Культурная революция, Республика, 2010.
- [8] Зубов В.П. *Из истории мировой науки: Избранные труды, 1921—1963*. СПб.: Алетей, 2006.
- [9] Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной Вселенной*. М.: Логос, 2001.
- [10] Найдыш В.М. *Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма*. М.: Гардарики, 2002.
- [11] Найдыш В.М. *Наука в цивилизациях древности. Гносеологический анализ*. М., 2009.
- [12] Найдыш В.М. *Власть тайны. Очерки по философии мифологии*. М.: Альфа-М, 2014.
- [13] Найдыш В.М. *Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ*. М.: Альфа-М, 2012.
- [14] Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. СПб., 2004.
- [15] *Теология в системе научного знания и образования. Материалы слушаний общественной палаты Российской Федерации*. Под ред. академика РАН В.А. Тишкова. М.: Изд. Общественной палаты РФ, 2009.
- [16] Шохин В.К. *О проблемах интеграции теологии в системе образования и академических наук // Теология в системе научного знания и образования. Материалы общественных слушаний*. М., 2009.
- [17] Duhem P. *Études sur Léonard de Vinci: 3 vols*. Paris, 1906—13; 1955. 3 v.

- [18] Duhem P. *Sozein ta phainomena. Essai sur la Notion de Théorie physique de Platon à Galilée*. Paris, 1908.
- [19] Duhem P. *Système du Monde. Histoire des Doctrines cosmologiques de Platon à Copernic*, 10 vols. Paris, 1913—1959.
- [20] Hill C. *Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1965.
- [21] Hooykaas R. *Religion and the Rise of Modern Science*. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1972.
- [22] Jones R.F. *Ancients and Moderns: A Study of the Rise of the Scientific Movement in Seventeenth-Century England*. Washington University Press, 1961.
- [23] Merton R.K. *Science, Technology and Society in Seventeenth Century England*. New York: Fertig, 1970.

Сведения об авторе:

Найдыш Вячеслав Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: v.naidysh@bk.ru).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-134-146

MYTHOLOGY AND THEOLOGY

First article

V.M. Naidysh

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the context of widespread in the philosophical and culturological literature, in the media debate about the nature of theology, its relations with science and education analyzes the methodological and theoretical principles of the study of theology as a form of spiritual culture.

Key words: theology, religion, culture, science, consciousness, cognitive, values, mythology, image, meaning, knowledge

REFERENCES

- [1] Averincev SS. *Teologiya. Novaya filosofskaya ehnciklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 4. (In Russ).
- [2] Bagdasaryan VEH., Sulakshin SS. *Religioznoe i nauchnoe poznanie*. Moscow: Nauchnyj ehkspert; 2013. (In Russ).
- [3] Vekker LM. *Psihika i real'nost'*. Edinaya teoriya psihicheskikh processov. Moscow: Smysl; 2000. (In Russ).
- [4] Vorob'ev V. prot. *Teologiya kak sistema znaniya i otrasl' gumanitarnykh nauk. Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya. Materialy slushanij obshchestvennoj palaty Rossijskoj Federacii*. Pod red. akademika RAN V.A.Tishkova. Moscow: Izd. Obshchestvennoj palaty RF; 2009. (In Russ).
- [5] le Goff ZH. *Geroi i chudesa srednih vekov*. Moscow, 2011. (In Russ).
- [6] Dyugem P. *Fizicheskaya teoriya, eyo cel' i stroenie*. Predisl. EH. Maxa. St. Petersburg, 1910. (Reprint: Moscow: KomKniga; 2007). (In Russ).
- [7] ZHil'son EH. *Filosofiya v srednie veka: Ot istokov patristiki do konca XIV veka*. 2-e izd. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya, Respublika; 2010. (In Russ).
- [8] Zubov VP. *Iz istorii mirovoj nauki: Izbrannye trudy, 1921—1963*. St. Petersburg: Aletejya; 2006. (In Russ).
- [9] Kojre A. *Ot zamknutogo mira k beskonechnoj Vselennoj*. Moscow: Logos; 2001. (In Russ).

- [10] Najdysh VM. *Filosofiya mifologii. Ot antichnosti do ehpoi romantizma*. Moscow: Gardariki; 2002. (In Russ).
- [11] Najdysh VM. *Nauka v civilizacijah drevnosti. Gnoseologicheskij analiz*. Moscow, 2009. (In Russ).
- [12] Najdysh VM. *Vlast' tajny. Oчерki po filosofii mifologii*. Moscow: Al'fa-M; 2014. (In Russ).
- [13] Najdysh VM. *Nauka drevnejshih civilizacij. Filosofskij analiz*. Moscow: Al'fa-M; 2012. (In Russ).
- [14] Rubinshtejn SL. *Osnovy obshchej psihologii*. St. Petersburg, 2004. (In Russ).
- [15] *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya. Materialy slushanij obshchestvennoj palaty Rossijskoj Federacii*. Pod red. akademika RAN V.A.Tishkova. Moscow: Izd. Obshchestvennoj palaty RF; 2009. (In Russ).
- [16] Shohin VK. O problemah integracii teologii v sisteme obrazovaniya i akademicheskikh nauk. *Teologiya v sisteme nauchnogo znaniya i obrazovaniya. Materialy obshchestvennyh slushanij*. Moscow, 2009. (In Russ).
- [17] Duhem P. *Études sur Léonard de Vinci*: 3 vols. Paris, 1906-13; 1955. 3 v.
- [18] Duhem P. *Sozein ta phainomena. Essai sur la Notion de Théorie physique de Platon à Galilée*. Paris, 1908.
- [19] Duhem P. *Système du Monde. Histoire des Doctrines cosmologiques de Platon à Copernic*, 10 vols. Paris, 1913—1959.
- [20] Hill C. *Intellectual Origins of the English Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 1965.
- [21] Hooykaas R. *Religion and the Rise of Modern Science*. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1972.
- [22] Jones RF. *Ancients and Moderns: A Study of the Rise of the Scientific Movement in Seventeenth-Century England*. Washington University Press, 1961.
- [23] Merton RK. *Science, Technology and Society in Seventeenth Century England*. New York: Fertig, 1970.